

О.П. Голубович

Личное имя в полоцкой деловой письменности: культурологический аспект

Антропонимия белорусов имеет глубокие истоки и традиции, изучение которых сохраняет свою актуальность для филологической науки в настоящее время, так как «имя в качестве универсалии языка и культуры выполняет функцию хранения и трансляции национального самосознания, традиций, истории, культуры народа, в силу чего является сложным языковым знаком» [1]. Особенности именования являются важнейшим признаком этнической принадлежности, а в каждом языке сформирована собственная база именований. Обозначившаяся в последние десятилетия тенденция к сохранению историко-культурного наследия нашей страны позволяет поставить вопрос о необходимости вовлечения в повседневный опыт и научный оборот богатейшего антропонимического фонда. Благодаря трудам поколений белорусских ученых систематизирован огромный материал, но, на наш взгляд, неоправданно оставленным без комплексного изучения является антропонимикон Полотчины. Система именования населения Полотчины в период формирования белорусской народности изучена еще недостаточно, особенно с точки зрения локальных языковых традиций. Между тем этот старейший исторический регион Беларуси дает нам пласт наиболее древних именований. Особый интерес представляет изучение антропонимикона Полотчины в эпоху вхождения ее в состав Великого княжества Литовского XIV–XVI вв., когда жители города и местное боярство пользовались значительными автономными правами, а данные в Полоцке великими князьями грамоты имели свои особенности [2]. Если позволительно говорить о локальных отличиях полоцких актов документов, то неуместным будет оставить без изучения и их антропонимикон. Целью нашего исследования является выявление потенциала именника памятников полоцкой деловой письменности для изучения языковой культуры XIII–XVI вв.

Данное исследование основано на анализе антропонимного фонда памятников полоцкой деловой письменности XIII–XVI вв. Источником явились «Полоцкие грамоты XIII–XVI вв.» (М., 1977–1980), «Реестр путных бояр Полоцкого воеводства 1585 года» (Мн., 2009), «Полоцкая ревизия 1552 г.» (М., 1905), а также Метрика Великого княжества Литовского XIV–XVI вв., изданная в Литве и Беларуси (книги записей № 10, 11, 12, 15, 16, 25, 28, 30, 43, 44, 51, 70, книги судебных дел № 4, 6, 8, 10, книга переписей № 523). В полоцких документах XIII–XVI вв. выявлено более 4700 именований, которые и послужили основой для данной работы.

Культура народа или страны в любой исторический период представляет собой разнонаправленное и многослойное явление. В размышлениях о культуре эпохи Средневековья и Нового времени часто используют термины «религиозная», «рыцарская» и «городская» культура, а также «народная культура» [3]. Так как эти явления имели место в прошлом, значит, это нашло отражение и в языке. Белорусская средневековая культура имела свои особенности, но, несмотря на очевидные отличия, ее следует рассматривать в контексте развития общеевропейских тенденций. Поэтому уместно упомянуть и о сформированности сословного типа общества на рассматриваемой

территории, что позволяет говорить о наличии сословных культур: придворно-боярской, мещанской, крестьянской.

Культурологические особенности функционирования антропонимов особенно четко проявляются при анализе именовании лиц в различных сословных группах. В документах упоминаются представители четырех сословий: духовенства, шляхты (князей и бояр), мещан, крестьян. Различия между тремя последними социальными группами окончательно сложились в середине XVI в., когда закончился процесс формирования не только зависимого крепостного крестьянства, но и привилегированного сословия шляхты, образовавшегося на основе военно-служилого сословия, известного до середины XVI в. как бояре [4]. Если до появления Статутов ВКЛ (1529 и 1566 гг.) социальный статус человека во многом определялся характером выполняемой службы, то с появлением кодексов – правовым статусом. Таким образом, при характеристике именовании вышеупомянутых групп мы вынуждены иметь в виду трансформирующийся характер социальной структуры населения, что, безусловно, как будет показано ниже, нашло свое отражение и в антропонимии.

Чаще всего в полоцких документах указанного периода встречаются онимические единицы, называющие лиц привилегированного сословия (34% именовании): *боіарыня г[оспо]д[а]рская земли Полоцкое пани Михайлова Сеньковича пани Улыана, князь Семен Подберезьский, дворанин г[оспо]д[а]рский пан[ъ] Глебъ Есманъ, до кн[я]зя Андрея Семеновича Соколеньского, бояр Кубълицких, князь Юрей Масалский з Городца, княгини Илиное Острокое, от бояр Полоцких Гаврыла, Курыла а Андрея Онскушковичов, Анофрей кн[я]зь, ко княгини Андреювою, бояре полоцкие Микула Гришкович и брат его Остафеи и т.д.* Такое активное упоминание князей и бояр объясняется тем, что именно они с правовой точки зрения являлись наиболее полноценными членами общества, основой социального строя.

Следующая группа составляет 25% именовании. Это онимические единицы, называющие мещан: *з мещанином г[оспо]д[а]рским[ъ] Полоцкимъ же з Васкомъ Паньковымъ, Зябъчына, старшыи Остапко Загорожы, Грыдко Половик з Ымхина, Иевъ Баранъ, Амелянъ Торговецъ, Иванъ Кравецъ, Митко Баламут, у мещанина полоцкого Якова Зыбы, у мещанина Полоцкого Селивона Головенчынича, Станислав Угрын, Евлашко, Иван Булавин, Мокъи Кольчижинич* и другие. Анализ этой группы антропонимов показывает соотношение прозвищ мещан с апеллятивной лексикой. В качестве мотивирующей основы именовании мещанина могли выступать названия животных, птиц, растений, качественные характеристики лица (внешние признаки и особенности психологического склада), этническое, территориальное происхождение, профессиональная деятельность. Например: *Выдра, Волк, Коршунъ, Шишка, Немець, Коморникъ (1. Слуга при княжеских (царских) палатах, охранник. 2. Чиновник, при дворе выполнявший функции заместителя судьи, судебный исполнитель. 3. Постоялец. 4. Землемер, специалист по размежеванию земельных наделов) [5], Лукошка (кош, корзинка) [6].*

Еще одна продуктивная группа именовании (24%) относится к социальному слою, занимающему в белорусском обществе эпохи Великого княжества Литовского и Речи Посполитой промежуточное положение между крестьянами и боярами-шляхтой. Это путные слуги, специфическая группа сельского населения [7]. Так, часто именовании путных слуг связаны с различными апеллятивами (Короб, Дуброва, Борода, Рагоза, Пуга, Козел), в том числе и определяющими лицо по национальному признаку (Литвинъ, Москал, Цыгановичъ). Зафиксированная в именах этническая принадлежность человека дает возможность понять особенности формирования социальной группы в целом. Культурная унификация, видимо, происходила на Полотчине на старобелорусской основе, но с участием представителей различных этносов.

В качестве именованных лиц в полоцких документах нередко выступают деминутивы и производные от них формы. По мнению А.К. Устинович, субъективно-оценочные по структуре формы употреблялись не только в качестве эмоционально-оценочных, но и в нейтральном значении [8]. На полоцком материале это также можно проиллюстрировать. Например, бояре *Сенька Федькович, Іацько Богдановичъ Быстрейский, Юшко Ососкович, Васко Богданович, Сенько, Митко Петрович, Ивашковая Сенковича, мещане Евлашко Кощич, Митко Трухонович, Прошко, Ыванова жона Лясковая Манка, путные слуги Дорошъко Якимович, Ивашко Миткович, Тимошко Алексеевич, Яшко Андреевич, князя Яцко Сенькович, Юхно Ивашкович, Богушь Лукомъскии, Болко Михайлович Свирский, священнослужители Федко Захар(ь)инич, Прошко* и другие. Подобные формы встречаются в 18% антропонимов.

50,7% именованных, относящихся к различным социальным группам, не связаны с апеллятивами: *князю Федору Ивановичу, боярина г(о)с(у)д(а)ря нашего короля его м(и)л(о)сти Сенка Яцковича, мещанин Евлашко Федорович, путный слуга Хома Ходосович, дьяка н(а)шого Федка Ивановича.*

По нашему мнению, при лингвокультурологическом анализе несколько больший интерес представляет изучение отапеллятивных онимов, которые позволяют охарактеризовать происхождение, род занятий, внешность, характер и т.д. носителя данного именованного или предков носителя этого именованного. Закодированные в апеллятивах смыслы поддаются довольно широкой интерпретации.

Некоторые прозвища заключают в себе информацию об отношении человека к представителям церковной иерархии и высшим государственным чинам. Человека, зависимого от митрополита, принадлежащего ему, называли *митрополией, митрополей* [9]. Отсюда и антропоним *Иван Митрополи* (шляхтич). От слова *куръ, киръ* – титул для лиц высшего священнического сана православного вероисповедания [10; 4, с. 93] произошло прозвище: *Моисей Куровичъ* (мещанин). От *маршалокъ, маршалекъ, моршалокъ* – 1) министр при дворе короля; руководитель уездного дворянства; 2) руководитель какой-либо церемонии, председатель; 3) высшее воинское звание – маршал [6, с. 269] произошло прозвище *Копет Маршалковъ* (мещанин).

Встречаются именованные, объясняющие социальное происхождение человека: *мещанинъ* – 1) житель города; 2) житель (вообще), гражданин; 3) представитель мещанского сословия [9, с. 33–34]: *Алексей Мещанинъ* и др.

По целому ряду прозвищ можно судить об особенностях поведения человека: *лежень* – 1) лежебока, лентяй, человек без определенных занятий; 2) посыльный, сборщик налогов [10, с. 335]: *Яковъ Леженьев* (мещанин); *баламутъ* – баламут, мошенник [11]: *Баламут* (мещанин) и др.

Семейное положение человека также могло отражаться в именовании: *одинецъ* – одинокий, несемейный человек [12]: *Andrei Odincowicz z Meszkowist* и др.

Можно выделить группу именованных, основанных на метафорическом переносе с использованием слов различных лексико-семантических групп: *морозъ* – холодная зимняя погода, мороз, иней [9, с. 163]: *Петръ Марозъ* (мещанин); *колесы, колеса* – 1) телега, хозяйственная повозка; 2) повозка специального (военного, хозяйственного и т.д.) предназначения [12, с. 196–198]: *Грыдко Колесов; кишка* – кишка [12, с. 96]: *Кишка Козак, пан Петр Кишка* (воевода), *пан Станислав Кишъка* (воевода витебский), *Мишъка Кишъка* (мещанин); *копотъ* – копать, сажа [12, с. 301]: *Копотъ мещанинъ, Копотъ Медведичина; конопленый* – конопляный [12, с. 269]: *Тишъковая Конопленая* (мещанин); *масло* – 1) пищевой жир, который получают путем взбивания сметаны; 2) жир из растительного происхождения (преимущественно оливковый); 3) масло (оливковое масло, которое используется в церковном); 4) лечебная

мазь; 5) вещество минерального или органического происхождения [6, с. 272–273]: *Андрей Масловичь*.

Некоторые прозвища являются результатом метафорического перенесения на людей тех или иных черт животных: *орель* – орел [12, с. 315]: *Грыдко Орел*; *барань* – 1) баран; 2) таран [11, с. 192–193]: *Иевъ Барань* (мещанин); *медведь, медьведь* – медведь: *Потей Медведич* (мещанин), *Копоть Медведича* [6, с. 297–298] и др.

Ряд прозвищ отражает особенности внешнего вида человека: *кудравый* – чернявый [10, с. 210]: *Петр Кудравый*; *косый, касый* – 1) косоглазый; 2) косой, кривой [10, с. 54–55]: *Ивань Косый* (мещанин); *белый* – 1) светловолосый, со светлой кожей; 2) безгрешный (мещанин): *Андрей Белый* [11, с. 272–274] и др.

В отдельную группу можно выделить антропонимы, характеризующие род занятий человека: *купецъ* – 1) купец, торговец; 2) покупатель [10, с. 228]: *Семен Купец*, *Якубъ Купец* (мещанин); *коваль, ковал* – 1) кузнец; 2) вид орудия [12, с. 166]: *Тишко Ковал* (мещанин), *Федко Коваль* (мещанин), *Mikita Kowal*; *крамникъ* – владелец лавки или продавец в ней [10, с. 89]: *Апонась Крамъникъ* (мещанин), *Богданъ Крамъникъ* (мещанин); *кормникъ* – торговец пищевыми продуктами и спиртными напитками [10, с. 11]: *Омелянь Кормник* (мещанин), *Якимъ Кормникъ* (мещанин), *Федор Кормникъ* (мещанин); *кожемяка* – кожемяка [12, с. 175]: *Иван Кожемяка* (мещанин); *мыльникъ* – тот, кто варит мыло или им торгует [9, с. 246]: *Федор Мыльник* (мещанин); *мечникъ* – 1) ремесленник, который изготавливал мечи (вид холодного оружия); 2) воин, вооруженный мечом, оруженосец; 3) палач; 4) придворный чиновник, который носил меч монарха; титулярный земский чиновник [9, с. 246]: *Ходан Мечъникъ* (мещанин); *орывати, орывати* – пахать [12, с. 317]: *Омелянь Орывичъ*; *козакъ, казакъ* – 1) легковооруженный воин в армии ВКЛ и Речи Посполитой; 2) представитель свободной общины с особым самоуправлением; 3) служилый человек, который выполняет пограничную службу по найму в Московском государстве; 4) человек, который выполняет охранную, курьерскую службу в замках или при дворах магнатов [5, с. 177]: *Цветушын Козак* (казак замка), *Мокей Казак*, *Кишка Казак* и др.

Заключение. Анализ антропонимной лексики в документальных источниках позволяет прийти к следующим выводам. В XIV–XVI вв. наибольшее число именовании относится к представителям правящего сословия бояр-шляхты. Антропонимы в полоцкой деловой письменности представляют интерес не только с лингвистической, но и культурологической точки зрения. Именования людей несут ценную информацию о социальном статусе, вероисповедании, занятиях, этнической принадлежности и других характеристиках жителей Полотчины в указанный период.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Гурская, Ю.А.** Культурогенные возможности лингвистического знака: ключевые имена в русском и белорусском языках: автореф. дис. ... канд. фил. наук: 10.02.01, 10.02.02 / Ю.А. Гурская / БГУ. – Минск, 1995. – С. 1.
2. **Карский, Е.Ф.** Белорусы: у 3 т. / Е.Ф. Карский; уступны артыкул М.Г. Булахавы, прадмова да першага тома і каментарыі В.М. Курцовай, А.У. Унучака, І.У. Чакавіна. – Мінск: БелЭн, 2006. – Т. 1. – С. 281.
3. **История средних веков:** в 2 т.: учеб. для вузов по спец. «История» / Л.М. Брагина [и др.]; под ред. З.В. Удольцовой и С.П. Карпова. – М.: Высш. шк., 1990. – Т. I. – С. 452–455, 456.
4. **Błaszczuk, G.** Litwa na przełomie średniowiecza i nowożytności 1492–1569 / G. Błaszczuk. – Poznań: Wydawnictwo poznańskie, 2002. – P. 199–200.

5. **Гістарычны слоўнік беларускай мовы.** – Вып. 15. Катъ–коречивый / склад. А.М. Булыка [і інш.]; рэд. А.М. Булыка. – Мінск: Беларуская навука, 1996. – С. 245–246.
6. **Гістарычны слоўнік беларускай мовы.** – Вып. 17. Лесничий–Местский / склад. Т.І. Блізнюк [і інш.]; пад рэд. А.М. Булыкі. – Мінск: Беларуская навука, 1998. – С. 133.
7. **Доўнар, Д.Б.** Сяляне-слугі Беларусі другой паловы XVI – сярэдзіны XVIII ст. / Д.Б. Доўнар. – Мінск: «Беларуская навука», 2007. – 193 с.
8. **Усціновіч, А.К.** Эмацыянальна-ацэначныя формы мужчынскіх асабовых імён Гродзеншчыны і Брэстчыны па помніках пісьменнасці 14–17 стст. // Пытанні беларускай этнаграфіі, фалькларыстыкі і тапанімікі. – Мінск: Аддзяленне этнаграфіі Беларускага філіяла Геаграфічнага таварыства СССР. Інстытут мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору Акадэміі навук БССР, 1967. – С. 153.
9. **Гістарычны слоўнік беларускай мовы.** – Вып. 18. Местский–Надзовати / склад. Т.І. Блізнюк [і інш.]; пад рэд. А.М. Булыкі. – Мінск: Беларуская навука, 1999. – 374 с.
10. **Гістарычны слоўнік беларускай мовы.** – Вып. 16. Коржъ–Лесничанка / склад. А.М. Булыка [і інш.]; пад рэд. А.М. Булыкі. – Мінск: Беларуская навука, 1997. – С. 244.
11. **Гістарычны слоўнік беларускай мовы.** – Вып. 1. А–Биенье / склад. Т.І. Блізнюк [і інш.]; пад рэд. А.М. Булыкі. – Мінск: Навука і тэхніка, 1982. – С. 181.
12. **Гістарычны слоўнік беларускай мовы.** – Вып. 22. Оддыханье–Ость / склад. А.М. Булыка [і інш.]; пад рэд. А.М. Булыкі. – Мінск: Беларуская навука, 2002. – С. 21.

S U M M A R Y

The article is dedicated to the cultural aspect of the names in Polotsk official papers of XIII–XVIth centuries. The research shows the influence of people's ethic, religious, psychological, behavioral, physiological peculiarities on the nomination process during the mentioned period.

Поступила в редакцию 2.07.2009